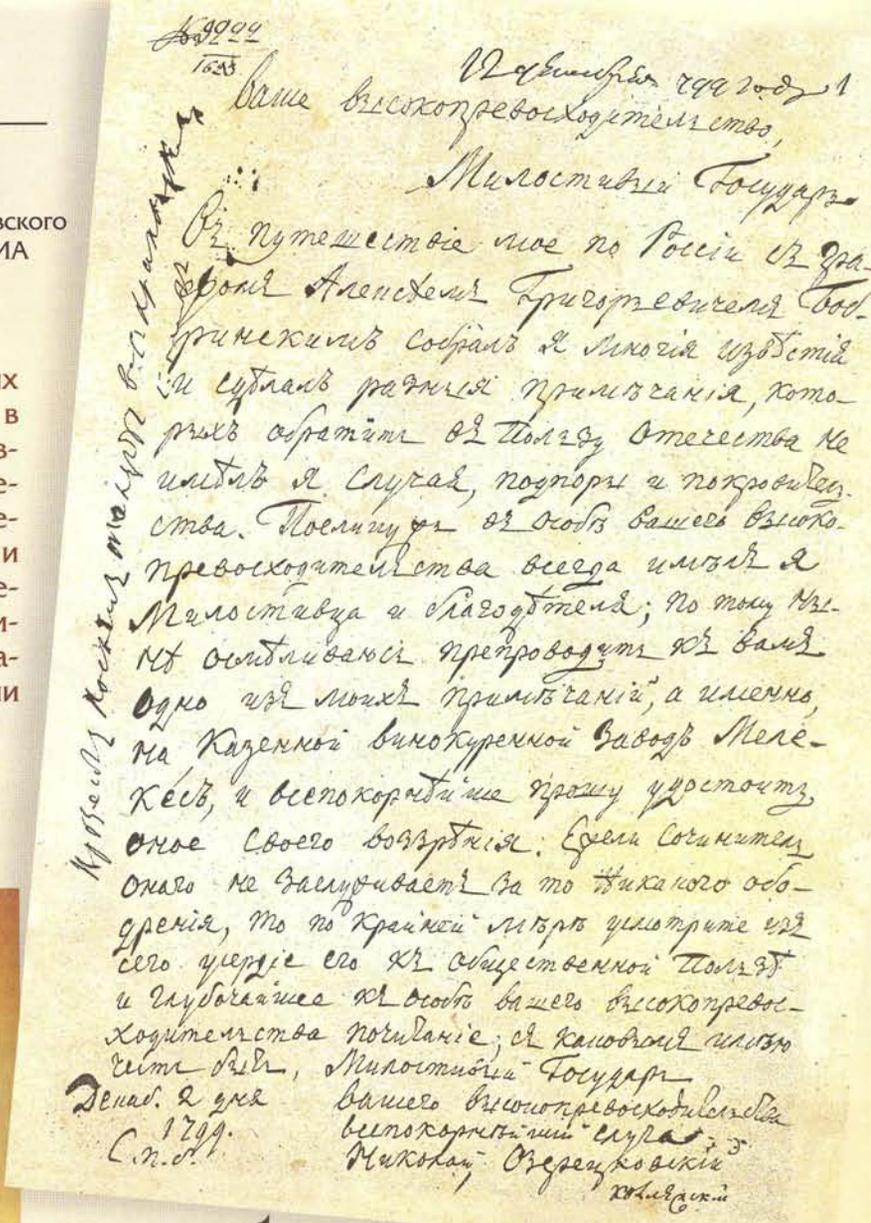
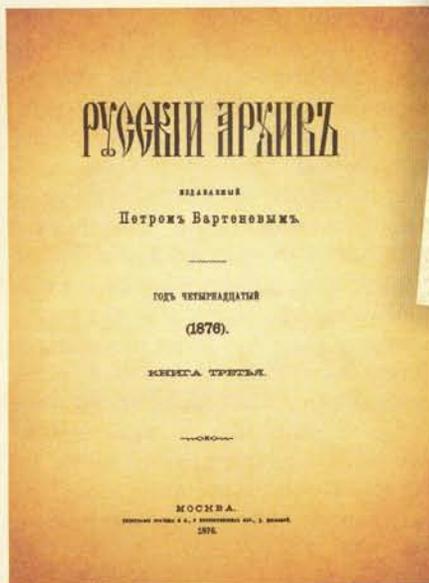

Письмо Н.Я. Озерецковского
А.В. Храповицкому. РГИА

Одним из самых первых упоминаний наших земель в исторической литературе являются путевые заметки исследователей, которые в XVIII веке составили их описание и бытописание местного населения. У многих на слуху фамилии Палласа и Лепехина. Напомним читателям об истории этих экспедиций.

Забытая ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1767 году закончилось путешествие по Волге от Твери до Симбирска императрицы Екатерины II, которая активно интересовалась устройством и богатствами своей империи. Ей и принадлежит идея комплексной экспедиции – исследования страны для изучения геологических, растительных, животных ресурсов, исследования исторических и этнографических черт губерний и местностей. Экспедиция состояла из шести небольших отрядов. Подготовка к ней заняла год.

Первый отряд формировался под руководством Петра Симона Палласа

(1714–1811), чью работу «Путешествие по разным провинциям Российского государства» постоянно цитируют в описаниях Среднего Поволжья. Он проезжал селение Мелекесс 28 сентября 1768 года.

В первый отряд входил и капитан Николай Петрович Рычков (1746–1784), чья работа «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства...» также хорошо известна. Он совершил несколько самостоятельных путешествий по Заволжью по поручению Палласа. В середине мая 1769 года Рычков выехал из Симбирска на восток по «безлесным и необитае-

мым местам» до реки Шешмы, притока Камы. Он проезжал Чердаклы, Кандаду по территории современной Ульяновской области.

Другие отряды возглавляли профессор Иоганн Петер Фальк (1732–1774), академик Иоганн Готлиб Георги (1729–1802), академик Самуил Георг Готлиб Гмелин (1744–1774), Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1781). И последний отряд был создан под руководством академика Ивана Ивановича Лепехина (1740–1802). Помощником академика был один из лучших семинаристов того времени – Николай Озерецковский.

И.И. Лепехин и его отряд «открыл

путь» экспедиции. 8 июня 1768 года они покинули Санкт-Петербург. До селения Мелекесс он добрался первым из всей экспедиции – 25–28 августа 1768 года. Книга «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году» описывает интересные сведения о жизни и природе нашего края и известна всем историкам и краеведам.

Теперь мы можем перейти к главному герою нашего повествования. Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827) – выдающийся российский академик, доктор медицины, писатель, путешественник. Ему принадлежит авторство десятков научных трудов по ботанике, зоологии, географии, минералогии, этнографии и медицине. Он в возрасте 17 лет в 1767 году был выбран руководством Российской академии наук из выпускников Троицкой семинарии как грамотный молодой человек для участия в научных экспедициях. И в выборе кандидата они не ошиблись. Экспедиция академика И.И. Лепёхина в течение пяти лет работала в Поволжье, на Урале, в астраханских степях, в Архангельске, на Кольском полуострове. Уже с самого начала путешествия Николай Озерецковский проявил себя способным, наблюдательным студентом. И.И. Лепёхин в своём дневнике отмечал, «ездивши “за нуждами в Казань”, молодой исследователь имел случай осмотреть и описать остатки древнего татарского города, приложив к описанию большое количество надписей, снятых с могильных памятников».

Вскоре Николаю Озерецковскому поручаются самостоятельные маршруты путешествий. И не случайно, что описание длительной поездки под заглавием «Дневные записки путешествия академика Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства» были изданы в четырёх томах, три тома были написаны самим И.И. Лепёхиным, а последний том вышел после смерти академика и был подготовлен к изданию Н.Я. Озерецковским, включившим собственные записки об их путешествии по Белому морю. Этот том он посвятил «гуманнейшему гению Учителя».

Весной 1774 года Н.Я. Озерецковский отправился учиться в Европу. Итогом его обучения в западноевропейском университете стала блестящая защита в 1778 году диссертации доктора медицины. 23 сентября 1779 года Озерецковский был единогласно из-

бран адъюнктом натуральной истории, а уже спустя три года, 13 мая 1782 года, неожиданно, по личному распоряжению Екатерины II он был пожалован в академики. Екатерина II увидела в нём наставника и руководителя для своего внебрачного сына Алексея Григорьевича Бобринского на период его путешествия по России и Европе.

Н.Я. Озерецковский

В 1761 году жена наследника российского престола Петра Фёдоровича Екатерина Алексеевна увлеклась гвардейцем Григорием Орловым. 11 апреля 1762 года в Зимнем дворце в кругу доверенных лиц Екатерина Алексеевна, скрыв и беременность, и роды от своего мужа, императора Петра III, родила мальчика, которого назвали Алексеем. Младенец был передан гардеробмейстеру Екатерины Василию Григорьевичу Шкурину, в семействе которого он и воспитывался до 1774 года. А 28 июня 1762 года произошёл дворцовый переворот, который возвёл Екатерину Алексеевну на российский престол. Главную роль в заговоре сыграла гвардия во главе с братьями Орловыми, один из которых, Григорий Григорьевич, и был отцом Алексея.

В 1774 году Екатерина присвоила сыну фамилию Бобринский – по названию села Спасское, также известного как Бобрики, купленного для него в 1763 году. В 1770 году Алексей вместе с сыновьями Василия Шкурина был направлен на обучение за границу, в закрытый пансион в Лейпциге. На родину он вернулся в 1774 году и был передан под опеку личному секретарю императрицы Ивану Ивановичу Бецкому (незаконнорождённому сыну генерал-фельдмаршала Ивана Трубецкого). Осенью 1774 года А.Г. Бобринский был помещён в Сухопутный (дворянский)

корпус в Петербурге, надзирать за ним было предписано испанскому дворянину Оситу Дерibasу, будущему основателю Одессы.

После окончания корпуса в 1782 году Бобринский и несколько его сокурсников были отправлены в путешествие по России и Европе в сопровождении известного учёного, академика Н.Я. Озерецковского. Вместе с ним «высочайшую особу» сопровождал полковник Алексей Михайлович Бушуев и Николай Сергеевич Свечин.

Путешествие началось 29 мая 1782 года. Путешественники проехали почти всю Россию. Они проделали долгий путь, но сама экспедиция закончилась неудачно. Алексей Бобринский не оправдал возлагавшихся на него надежд. По свидетельствам очевидцев, он вёл жизнь разгульную, целые ночи играл в карты и наделал множество долгов.

«Вы изволите знать совершенно характер Алексея Григорьевича: к сожалению, я всё то в нём открыл, что только вы мне объявить об нём изволили, – писал полковник А.М. Бушуев Бецкому. – Он долго под притворною своею тихостию скрывал тяжёлый нрав свой, но по множеству случаев не мог не открыть себя. Нет случая, где бы не оказал он самолюбия неумеренного, нет разговора между сотоварищей своих, где не желал он взять над ними поверхности, и случилось столько раз с оказанием суровости».

Из экспедиции в Петербург Озерецковский возвратился лишь 14 августа 1783 года. Итоги путешествия вызвали недовольство Екатерины II, а поведение А. Бобринского очень огорчило её. По воспоминаниям С.Н. Глинки, когда Екатерина II укоряла Озерецковского как плохого наставника и воспитателя, он откровенно отвечал: «Матушка, ведь я человек, один бог делает, что хочет, а я сделал, что мог».

Незавершённость экспедиции и её скандальный финал стали причинами того, что исследователи не упоминали об этом событии в биографии академика. «О своей достопамятной поездке с Бобринским путешественник вспоминать не любил, – писал Н.Г. Фрадкин, – и дорожных записок о ней при жизни не появилось. Уцелело лишь несколько писем, увидевших свет через столетие».

Письма Н.Я. Озерецковского к Ивану Ивановичу Бецкому, который был главным директором канцелярии строений и домов её величества, руководителем всех учебных и воспитательных учреждений России, а также личным секрета-

рём императрицы и наставником Алексея Бобринского, были опубликованы в 1876 году в журнале «Русский архив» и содержат описания пути экспедиции от Казани до Екатеринбурга и от Екатеринбурга до Уфы. Вот какая информация содержится в этих письмах о посещении экспедицией мелекесских земель.

«...в 50 верстах от Симбирска, при казённом винокуренном заводе Мелекес, довольно имеется и соснового леса. Завод сей находится неподалеку от реки Черемшана, которую мы два раза переезжали, а называется Мелекесом по речке, на которой он построен. Им управляет бригадир Александр Алексеевич Семёнов. Вино водою отправляется отсюда в С.-Петербург, и ведро онаго с провозом и со всеми заводными расходами становится казне в 76 копеек. Прошлого года выкурено здесь вина 120 000 вёдер, из девятипудовой четверти ржаной муки вина пять вёдер с половиною, а если выйдет, что получается онаго больше, то за сие правитель завода получает в награждение по гривне с ведра. На содержание завода и потребных для онаго людей получает г. бригадир по 3 000 рублей в год, в которых полагается и его жалованье. Хлеб для муки и вина покупает у околных жителей разными ценами, смотря по урожаю онаго, остающегося от высиженного вина бардою кормит скотину, которая от сей пищи чрезвычайно жиреет. Октября 12 числа приехали мы к Волге, за которою виден был Симбирск. При тихой погоде, переправляясь через Волгу, которая шириною там в две версты, слышали от перевозчиков, что река сия, по примечаниям старожилых людей, по большей части становится в то время, когда пятнадцатый час в ночи прибывает, а вскрывается обыкновенно, когда пятнадцатый час во дни прироста, так что никогда не устаевает до прибывания 16-го часа, что подтвердили нам и другие Симбирские жители.

Переправясь благополучно через Волгу, до полуночи поднимались мы с нашими каретами на высокую гору, по которой расположен город».

Письмо от ноября 15 дня 1782 года

Через некоторое время Озерецковский снова возвращается к теме Мелекесса, уже имея в виду одну идею на пользу Отечества, которая пришла ему в голову.

«В письме моём <...> говорил я о казённом винокуренном заводе Мелекессе, но тогда не пришло мне на мысль сделать одно примечание, которое

Алексей Бобринский

кажется довольно важным, чтоб сообщить оное в.в. п-ву. В 1768 году, когда отправлялся я в физическую экспедицию с г. Лепёхиным, между прочим наказами поручено нам было смотреть мест, способных к заведению скотских заводов. Вспомня сей наказ, обратил я моё внимание на упомянутый винокуренный завод Мелекес и думаю, что никакое место не может быть к тому способнее, как сей завод, на котором до 120 000 вёдер вина в год выкуривается. <...> Хлеб сей от выкуренного вина остаётся в виде барды или гуши, которая весьма питательную для скота составляет пищу, так что коровы и лошади чрезвычайно отжиреют и едят онаю весьма охотно. <...> вещь сия, сама по себе, как кажется, неважная, великую может принести пользу, когда употреблена будет на содержание скота. <...> При Мелекесе ж и самые места весьма к тому удобны, ибо в близком расстоянии от онаго пространные находятся поля, на которых весьма изрядные растут травы и, за множеством сённых угодьев, остаются некошены. Если скажут, что за скотом надобно иметь присмотр, гонять его в поле и для всякого случая заготавливать сено <...> Для сего полезного заведения можно определить некоторое количество крестьян, так как определено их несколько тысяч к казённому шёлковому заводу, который находится на луговой стороне Волги, близ Царицына; их тут слишком много, и без всякой разстройке сего шёлкового завода можно уделить часть оных к Мелекесу для скотского завода, от которого польза, без сомнения, будет велика...»

Письмо от ноября 21 дня 1782 года

Имел ли место какой-либо ответ от высокопоставленного государственного деятеля, нам неизвестно. Можем

только предположить, что судя по неутешительным итогам экспедиции академик лишился фавора у императрицы, и все его предложения были убраны «под сукно»...

На этом можно было бы и закончить наше повествование, но не так давно в Российском государственном историческом архиве нами был обнаружен ещё один документ, который касается нашей темы.

«Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь.

В путешествии моём по России с Алексеем Григорьевичем Бобринским собрал я многие известия и сделал разные примечания, которых обратить в пользу Отечества не имел я случая, подпоры и покровительства. Поелику же от особы Вашего Высокопревосходительства всегда имел я милостивца и благодетеля, по тому ныне осмеливаюсь препроводить к Вам одно из моих примечаний, а именно, на Казённый винокуренной завод Мелекес, и высокопочтнейше прошу удостоить оные своего воззрения. Ежели сочинитель онаго не заслуживает за то никакого ободрения, то по крайней мере усмотрите из сего усердие его к общественной пользе и глубочайшее к особе Вашего Высокопревосходительства почитание, с каковым имею честь быть, милостивый государь вашего Высокопревосходительства всепочтнейший слуга Николай Озерецковский».

Письмо Озерецковского Александру Васильевичу Храповицкому (тайному советнику, сенатору, кабинет-секретарю императрицы Екатерины II)

Декабрь 2 дня 1799 года

Может быть, смерть 51-летнего сенатора Храповицкого в декабре 1800 года помешала исполнению данных планов, а может, и какие иные обстоятельства, мы можем только констатировать факт, что скотоводство в государственном масштабах в Мелекессе не было учреждено, а в 1847 году и мелекесский казённый винокуренный завод был закрыт ввиду его убыточности...

Андрей Мокеев

В цитируемых документах соблюдена орфография оригинала